

УДК 821.111(73)-93

**СПОРТ В РОМАНЕ ЭРНЕСТА ХЕМИНГУЭЯ «ФИЕСТА»
(«И ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ»)****Н. В. Семенова**Тверской государственный университет
кафедра истории и теории литературы

В статье показаны причины, по которым все, что связано со спортом в «Фиесте» Э. Хемингуэя, несет на себе негативную коннотацию. В качестве центральной оппозиции в романе рассматривается оппозиция «коррида/спорт».

Ключевые слова: спорт, бокс, чемпион, «универсальный лексикон», коррида, война.

О «Фиесте» Хемингуэй любил говорить, что такую книгу можно написать за шесть недель. Вопреки этому утверждению, поиски «четвертого» и «пятого» измерения в англоязычной критике начались сразу после публикации романа [15, с. 6]. Что касается «первого» измерения, то его представил в романе эпиграф – слова Гертруды Стайн: «Все вы – потерянное поколение» [19, с. 6]. Хемингуэй создал, как бы мы сказали сегодня, новый мем – «потерянное поколение»; об этом поколении между первой и второй мировыми войнами создавались романы по обе стороны Атлантики. Карнавальский аспект (фиеста, коррида) тоже не был обойден вниманием критики, писали об этом главным образом советские и российские литературоведы, знакомые с теорией карнавала М. М. Бахтина [16; 2; 11]. Разница подходов в данном случае показательна: в «Фиесте» сплелись сразу несколько тем, которыми отмечены разные этапы хемингуэевского творчества. И если бой быков Хемингуэй «поднял <...> на высоту литературного и художественного опыта» [6, с. 144], а тему будущих «Зеленых холмов Африки» называет его герой, то тему спорта в первом своем романе автор по существу закрыл, представив противоречивые ее аспекты. Более того, все, что имеет отношение к спорту, в «Фиесте» негативно коннотировано, и это при том, что спорт был одним из самых сильных и постоянных увлечений Хемингуэя, и, не учитывая этого, нельзя по-настоящему понять ни его жизнь, ни его творчество.

Особая популярность бокса в Соединенных Штатах начала XX века отмечена в романе одной строкой. Билл Гортон, который приехал в Европу, чтобы побывать на корриде в Испании, говорит Джейку Барнсу: «В Штатах чудесно. В Нью-Йорке чудесно. Театральный сезон прошел с блеском, и появился целый выводок молодых светил среди боксеров полутяжелого веса» [19, с. 54]. Герои в романе ходят на боксовые матчи: «Сегодня вечером бокс, – сказал Билл, – хотите пойти?» [Там же, с. 62]. Информация об этом боксовом поединке дана предельно скупой: «Встреча боксеров Леду и Фрэнсиса состоялась 20 июня. Встреча была интересной» [Там же, с. 63]. Несколько большее место занимает рассказ Билла о заказном матче в Вене, где негр-боксер должен был сдаться белому австрийскому чемпиону. Этот эпизод приоткрывает коммерческую закулисную сторону спорта и отсылает к написанной Хемингуэем еще в школьные годы анекдотической истории, в которой нанятый менеджером злодей-дальтоник по ошибке бьет по голове во время матча негра, а белого боксера. Об отсутствии настоящей спортивной борьбы говорят в ро-

мане и участники велопробега «Вокруг Бискайи», французские гонщики: «Они так часто соревновались друг с другом, что было почти безразлично, кто победит в этом пробеге. Особенно в чужой стране. Финансовую сторону всегда можно уладить» [Там же, с. 177].

Дискредитации бокса способствует особым образом выстроенная лексическая эквивалентность, которая подтверждается смежностью слов в предложении и использованием союза «и»: «Я прошел мимо продавца прыгающих лягушек и продавца игрушечных боксеров» [Там же, с. 30]. Интерес Барнса к спорту подтверждается тем, что он от корки до корки прочитывает спортивный журнал, у него есть знакомые среди тренеров и спортсменов (сам Хемингуэй в Париже был спортивным корреспондентом канадской газеты «Торонто Стар»). Однако и здесь использование лексической эквивалентности создает эффект иронии. О своей консьержке Барнс сообщает, что всех посетителей она делила на тех, кто «хорошо воспитан, кто из хорошей семьи, кто спортсмен <...> Единственное неудобство заключалось в том, что люди, не относящиеся ни к одной из этих категорий, рисковали никогда не застать меня дома» [Там же, с. 43].

Отношение к боксу позволяет поделить персонажей романа на «своих» и «несвоих». Джейк Барнс, об автобиографизме которого много писали критики [4, с. 185–186], не боксирует; он только замахивается и тут же становится «живой боксерской мишенью». «Я не боксер», – говорит о себе симпатичный алкоголик Харви Стоун [19, с. 36], а Майкл Кэмбелл выражается еще более определенно: «Я не из тех, кто любит, чтобы их поколачивали. Я даже ни в какие игры не играю» [Там же, с. 144]. На этом фоне особое значение приобретает то, что единственный боксер в романе, Роберт Кон, – герой мало симпатичный, он не «свой», не исповедует стоического кодекса Хемингуэя и его любимых героев, бокс не входит для Кона в систему «самокалывания». «Он не имел склонности к боксу, напротив – бокс претил ему, но он усердно и не щадя себя учился боксировать, чтобы избавиться от робости и чувства собственной неполноценности, которое он испытывал в Принстоне, где к нему как к еврею относились свысока» [Там же, с. 7]. И опять отметим несовпадение героя с прототипом, Гарольдом Лебом, во всем, что касается бокса. Леб не был боксером, о чем писал в своих воспоминаниях: «Теперь, тринадцать лет спустя, мне казалось, что пусть уж лучше я сам буду боксировать, чем наблюдать, как это делают другие. Хему же в боксе нравилось все, от начала до конца» [5, с. 140].

Кон – техничный боксер, он «очень ловок», и этому обстоятельству посвящен отдельный пассаж: «Он был лучшим учеником Спайдера Келли. Спайдер Келли обучал всех своих учеников приемам боксеров веса пера, независимо от того, весили ли они сто пять или двести пять фунтов» [19, с. 7]. Боксеры веса пера – весовая категория от пятидесяти одного до пятидесяти четырех килограммов, тогда как о Коне сообщается, что он чемпион в среднем весе. Что касается тренерской манеры Спайдера Келли, то Спайдер просто опередил свое время, теперь так тренируются и боксеры тяжелого и полутяжелого веса, в профессиональном и любительском боксе. Сам же Хемингуэй, по свидетельствам современников, был «файтером» и определил это понятие из боксерского жаргона, вынеся его в примечание в рассказе «Пятьдесят тысяч»: «Файтер – боксер, действующий не столько искусством, сколько силой удара» [17, с. 217].

Особенно настойчиво фиксирует автор чемпионство своего героя, трижды повторяется, что Роберт Кон был «чемпионом бокса». Означает ли это, что Хемингуэй, который всегда хотел стать чемпионом, в Роберте Коне создал отрицательную

проекцию самого себя? Автор «Фиесты» смолоду хотел стать «хорошим боксером», «жестким парнем» [6, с. 145], и непременно чемпионом. Не без иронии писал о чемпионстве Хемингуэя американский журналист Джед Кайли. В 20-е годы произошла его встреча с Хемингуэем в Париже, которой предшествовало фронтное знакомство. «Ничуть не изменился, подумал я. И припомнил, что в свое время он увлекался любительским боксом. Уверял, что когда-нибудь станет чемпионом мира в классе тяжеловесов. И, возможно, добился бы своего. Небось ранение эту мысль из головы ему вышибло, думал я.

«– Все еще в чемпионы метишь? – спросил я.

– Да, – ответил он. Но только не в боксе.

– В борьбе? – сказал я.

– Нет, – сказал он.

– Так в чем же?

– В литературе» [3, с. 543].

В 30-е годы Кайли сопровождал Хемингуэя в поездке на остров Бимини и оставил зарисовку состоявшегося там матча: 35-летний Папа боксировал с молодым претендентом-туземцем. И теперь уже Кайли проводит параллель между боксом и литературой: «И надо ему было лезть в литературу! Мог бы стать чемпионом мира и потом открыл бы бар. Как и прочие чемпионы» [Там же, с. 219]. Описывая восторг местных жителей, приветствовавших Папу-фаворита, Кайли не забывает зафиксировать реакцию Хемингуэя на происходящее: «И видно было, что все это ему очень нравится. Он всегда хотел быть чемпионом и получал от всего происходящего огромное удовольствие» [Там же, с. 216].

Хемингуэй неоднократно сравнивал занятия боксом с занятиями литературой. Лилиан Росс приводит высказывание уже прославленного писателя в конце 40-х годов: «Никогда не считал себя гением, но буду по-прежнему отстаивать свой титул перед всеми хорошими писателями из молодых. – Он пригнул голову, выдвинул вперед левую ногу и несколько раз имитировал удар слева и справа. – Никогда не позволяй нанести тебе сильный удар, – сказал он» [10, с. 393]. Тут же дается сравнение труда писателя с велогонкой: «Хемингуэй уселся на диван вместе с мистером Скрибнером и стал жаловаться ему, что во время работы над книгой ему пришлось нажимать, как гонщику на шестидневной велосипедной гонке» [Там же]. Рассказывая Уильяму Сьюарду о своих писательских привычках, Хемингуэй сделал следующее признание: «Сейчас ты не видишь во мне писателя, но, когда я начинаю писать, я уже не занимаюсь ничем другим. Я как подающий в бейсболе, я там, чтобы выиграть. И каждую минуту настроен только на победу» [14, с. 426].

О том, что «это была его любимая метафорическая форма разговора о литературе» [Там же], свидетельствуют и другие уподобления литературы спорту. В разговоре с Морли Каллагэном Хемингуэй сравнил с боксом манеру письма Достоевского: «Вы знаете Гарри Гребба? Он имел в виду знаменитого боксера, чемпиона среднего веса, который работал руками наподобие ветряной мельницы. – Так вот, Достоевский пишет совершенно так же, как дерется Гарри Гребб. Он обрушивается на вас со всех сторон. Вот так! И тут же на улице начал боксировать с воображаемым противником» [4, с. 118]. Подыгрывая Хемингуэю, который заявил, что собирается победить в «восьмираундовой встрече», Кайли спрашивает его о «вещице на восемь раундов», которой оказывается роман «И восходит солнце» [3, с. 156].

Джон Дос Пассос писал о Хемингуэе, что «его знакомство с боксерами-профессионалами и знание жаргона полицейских протоколов <...> позволили ему вы-

работать лексикон, сообщавший его рассказам выпуклость и точность» [1, с.171]. Можно предположить, что бокс дал писателю кроме того универсальный язык, годный и для описания военной тактики, и для разговоров о литературе. Об этом свидетельствует история, рассказанная Джозефом Нортон, встречавшимся с Хемингуэем в Испании. «Снаряды летят оттуда, – сказал Хемингуэй, показав рукой на север. – Я на северо-востоке, номер угловой. Вот смотрите, – он встал в позу боксера, слегка наклонившись и прижав подбородок к груди, – им в меня не попасть, ясно? Ну-ка попробуйте. Я сделал выпад. Хемингуэй увернулся от удара. – Вот видите! – восхищенно произнес он» [8, с. 293]. Использование языка, замешенного на спортивном жаргоне, было в духе времени. Только в этой атмосфере эпохи могло родиться сравнение, к которому прибегнул Г. Мэттьюз в своих журналистских заметках: «ветер, словно чемпион по боксу, бил и выколачивал душу» [7, с. 280–281].

В 20-е годы спорт перестал быть привилегией аристократов и рантье, которые занялись меценатством во всех крупных европейских столицах. Произошла демократизация спорта, и бокс был на пике популярности. Париж приобретает репутацию самого спортивного города в мире. Многие американские и канадские писатели и журналисты боксировали, встречаясь в Париже. Хемингуэй ходил по Парижу с сумкой, в которой лежали боксерские перчатки и спортивная обувь. В то время он научил боксировать Эзру Паунда, открыл «некоторые аспекты спорта» Дос Пассосу, с которым тогда дружил. Владевшая в Париже книжной лавкой «Шекспир и компания» Сильвия Бич вспоминает о «просвещении» на боксовых ночных поединках, куда водил бывшую в положении жену Хэдди и приятельниц по книжной лавке «профессор» Хемингуэй, который знал о боксе все.

И опять нельзя не задаться вопросом: как случилось, что в мире романа спортивная составляющая парижской жизни Хемингуэя оказалась предельно редуцирована? Самое простое объяснение можно дать исходя из слов Роберта Мак-Элмона: «До своего отъезда из Парижа Хемингуэй очень увлекался боксом. Когда он шел в кафе, он обычно подпрыгивал, губы его шевелились, поддразнивая воображаемого противника. Вернувшись из Испании, он сменил амплуа боксера на роль участника корриды. Он постоянно занимался упражнениями с воображаемой мулетой и шпагой» [6, с. 145]. Однако, как запомнил Линкольн Стеффенс, такой резкой разграничительной линии не было: «Идешь, бывало, с ним по улице, а он непрерывно то с кем-то боксирует, то будто тащит рыбу из воды, то изображает тореадора – и все его движения безошибочны. В Париже, где к чудакам относятся благожелательно, люди только улыбались, глядя на высокого красивого молодого человека, застывшего в боевой стойке против кого-то невидимого» [Там же, с. 108]. О том, что интерес к боксу у Хемингуэя не прошел со временем пишет А.Е. Хотчнер, встречавшийся с писателем в Гаване в 1948 году. «Два фильма Эрнест любил больше всего: матч бокса между Тони Зейлем и Роки Грациано и «Убийцы» с Бертом Ланкастером и Эвой Гарднер. Вначале шел бокс, за которым Эрнест внимательно следил и активно комментировал, но через пять минут после начала «Убийц» он уже храпел» [20, с. 399]. В те годы он проповедовал, что нельзя ходить на плохие боксовые поединки, лучше хоть несколько раз в году увидеть хороший бой [10, с. 371].

Второе объяснение особой позиции автора по отношению к спорту в «Фиесте» можно дать исходя из того, что миф о Хемингуэе-спортсмене получил достаточно полное жизненное воплощение и не требовалось его подтверждения в литературе. Формированию легенды о Хемингуэе-боксере во многом способствовала наделавшая шума в Париже история. Во время матча тогда мало кому известный

автор выскочил на ринг и нокаутировал чемпиона среднего веса; говорили, что тем самым он спас жизнь боксеру Траве. Впечатляющий портрет Хемингуэя на ринге оставил Каллагэн, который некоторое время был его партнером по тренировкам: «Все искусство профессионалов, все легенды, связанные с их именами, нашли, казалось, в нем свое отражение; его стойка, положение рук, пригнутый к груди и немного отведенный в сторону плеча подбородок производили сильное впечатление» [4, с. 184]. Однако тот же Каллагэн находил в боксерской технике Хемингуэя немало изъянов: «удар правой он рассчитывал правильно, но чуточку запаздывал», «неважно координировал удары» [Там же]. Младшему брату Листеру Хемингуэй говорил, что Хейвуд Браун заклеил его как «плохого боксера». По словам Томаса Шевлина, боксировавшего с Хемингуэем на Бимини, «он оказался сильным боксером» [21, с. 209]. В том же ключе сделано признание Гарри Сильвестра: «Он любил бокс, я тоже. Думается, у нас обоих было несколько преувеличенное представление о наших боксерских способностях» [12, с. 207]. И, в конце концов, не важно, каким Хемингуэй был боксером. Важно другое: своей жизнью, как и творчеством, он утверждал «мужской миф» в литературе, сменивший миф о женственности природы художника, утвердившийся отчасти под влиянием Оскара Уайльда [5, с. 139]. Дос Пассос писал об «очередной литературной влюбленности» Фицджеральда: «Спортсмен-стилист! Боксер и автор рассказов!» [1, с. 179]. То же впечатление произвел Хемингуэй в 50-е годы на кубинского писателя Лисандро Отеро: «Мне представлялась внутренняя борьба в нем между женским цивилизующим материнским мирком и мужским, спортивным, отцовским» [9, с. 437].

Можно предложить еще одно объяснение особого статуса спорта в романе – это соположенность корриды и спорта. Несмотря на то что некоторые из друзей Хемингуэя считали корриду спортом («ездили в Испанию на бой быков, отчасти из-за самого спорта, отчасти в поисках нужных слов», – писал о Хемингуэе Стеффенс [13, с. 109]), сам Хемингуэй в «Смерти после полудня» написал: «Бой быков – это не спорт. И никогда не задумывался как спорт. Это трагедия. Трагедией является смерть быка... В любом случае это не спорт. Это трагедия, и она символизирует борьбу между человеком и зверем» [18]. Только на войне и на корриде можно видеть насильственную смерть. «Спортсменский кодекс» – проигрывать достойно – неприменим на корриде; поверженного тореадора публика забрасывает подушками. И хотя в романе официант о смерти человека, которого забодал бык, говорит: «И все ради спорта, ради забавы» [19, с. 149], несовместимость корриды и спорта передает одна деталь. Став частью праздничной толпы, Барнс и его спутники видят за столиками уличных кафе англичан и американцев из Биаррица «в спортивных костюмах» [Там же, с. 136]. Эти спортивные костюмы, несовместимые с атмосферой карнавала, еще раз возникают в описании последнего дня фиесты: «Приезжих поглощала толпа. Потом их уже не было видно, и только кое-где среди крестьян в черных блузах, густо облепивших столики кафе, мелькали их столь неуместные здесь спортивные костюмы» [Там же, с. 155].

Дважды в романе коррида сравнивается с войной. Первый раз это происходит, когда герои ведут разговор о том, можно ли заключать пари на бой быков.

«– Можно, – сказал Билл, – только не нужно.

– Это все равно, что держать пари на войну, – сказал я. – Здесь не требуется материальной заинтересованности» [Там же, с. 76].

В другой раз речь заходит о том, сколько продолжался смертельный трюк с выгоном быков на арену:

«– В конце концов волы загнали их, – сказал Майкл.

– Но это продолжалось не менее часа.
 – В сущности, это продолжалось четверть часа, – возразил Майкл.
 – Бросьте, – сказал Билл. – Вы же были на войне. Для меня это продолжалось два с половиной часа» [Там же, с. 151].

Гибридных образов, соединяющих корриду и спорт, нет в романе, если не считать сравнения быка с боксером: «У него левый и правый удар, как у боксера» [Там же, с. 106], – говорит Барнс. Случай сведения спорта и корриды (и, разумеется, неудачный) описал канадский писатель Каллагэн. Когда во время боксерского поединка у Хемингуэя были разбиты губы, он неожиданно плюнул кровью в лицо Каллагэну. «“Так поступают раненые матадоры. У них это способ выразить презрение”, – напыщенно произнес он» [4, с. 188]. Плюнуть кровью на противника на ринге – безобразный поступок, на арене – это карнавальный жест. Коррида и спорт оказались несовместимы в романе, как несовместимы в жизни этика спорта и эстетика карнавала.

Список литературы

1. Дос Пассос Д. Из книги «Лучшие времена» // Хемингуэй в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1994. С.171–181.
2. Зверев А.М. Американский роман 20–30-х годов. М.: Худож. лит., 1982. 256 с.
3. Кайли Д. Из книги «Хемингуэй. Воспоминания старого друга» // Хемингуэй в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1994. С. 153–163; 211–221.
4. Каллагэн М. Из книги «Тем летом в Париже» // Хемингуэй в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1994. С. 112–119; 182–189.
5. Леб Г. Из книги «Вот так это было» // Хемингуэй в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1994. С. 138–142.
6. Мак-Элмон Р. Из книги «Все мы были тогда гениями» // Хемингуэй в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1994. С. 143–152.
7. Мэттьюс Г. Из книги «Становление корреспондента» // Хемингуэй в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1994. С. 278–290.
8. Норт Д. Из книги «Нет чужих среди людей» // Хемингуэй в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1994. С. 293–295.
9. Отеро Л. Хемингуэй // Хемингуэй в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1994. С. 437–439.
10. Росс Л. Портрет Хемингуэя // Хемингуэй в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1994. С. 361–394.
11. Семенова Н.В. Карнавал в романе Эрнеста Хемингуэя «Фиеста» («И восходит солнце») // Родная словесность в школе и вузе: межвуз. сб. науч. тр. Тверь: Тверской ун-т, 2009. С. 127–134.
12. Сильвестр Г. Из книги Дэвиса Брайана «Подлинная информация» // Хемингуэй в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1994. С. 207–208.
13. Стеффенс Л. Из книги «Автобиография» // Хемингуэй в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1994. С. 108–110.
14. Сьюард У. Из книги «Мой друг, Эрнест Хемингуэй» // Хемингуэй в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1994. С. 423–432.
15. Финкельштейн И.Л. В поисках исторической истины // Вопросы литературы. 1965. № 4. С. 159–165.
16. Финкельштейн И.Л. Хемингуэй-романист. Годы 20-е и 30-е. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1974. 216 с.

17. Хемингуэй Э. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1981. 671 с.
18. Хемингуэй Э. Смерть после полудня [Электронный ресурс] // hemingway-lib.ru. URL: <http://hemingway-lib.ru/book/smert-posle-poludnya.html>. (Дата обращения: 15.08.2017.)
19. Хемингуэй Э. Фиеста (И восходит солнце). Старик и море. Рассказы. М.: Эйд-Ди-Лтд, 1994. 494 с.
20. Хотчнер Л. Е. Из книги «Папа Хемингуэй» // Хемингуэй в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1994. С. 395–410.
21. Шевлин Т. Из книги Дэвиса Брайана «Подлинная информация» // Хемингуэй в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1994. С. 209–210.

SPORTS IN ERNEST HEMINGWAY'S NOVEL, "THE SUN ALSO RISES"

N. V. Semenova

Tver State University
the Department of History and Theory of Literature

The article shows the reasons behind negative connotations of sports in Ernest Hemingway's novel *The Sun Also Rises*. The "bullfight / sports" opposition is considered the central one.

Keywords: *sports, boxing, champion, "general-purpose lexicon", bullfight, war.*

Об авторе:

СЕМЕНОВА Нина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: ninasemenova@yandex.ru.

About the author:

SEMENOVA Nina Vasilevna – Doctor of Philology, Professor at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: ninasemenova@yandex.ru.